

Газета — 2005 — 5 марта — С.23

день гнева увенчал революцию

вечер музыки Николая Мясковского в ММДМ

Илья овчинников

Программа, представленная в Доме музыки оркестром «Русская филармония», стала событием по двум причинам. Во-первых, концерт напомнил, что выдающимися советскими композиторами были не только Шостакович, Прокофьев и Хачатурян. Во-вторых, «Русская филармония» показала себя коллективом, у которого немало шансов встать в ряд лучших столичных оркестров.

На исходе сентября два оркестра собрали пресс-конференции, посвященные открытию сезона. Первым был БСО — сильный, уверенный в себе, по-хорошему консервативный коллектив; закономерно, что представителей СМИ, желающих познакомиться с его планами, собралось два-три десятка. Пару часов спустя прессу ожидала встреча с руководством оркестра «Русская филармония»; ее посетили четыре (4) журналиста, включая автора этих строк. Причины несправедливости

отчасти понятны — «Русскую филармонию» долго окружал таинственный ореол. С одной стороны, на счету оркестра ряд интересных программ; с «Русской филармонией» выступали первоклассные солисты; при участии коллектива состоялась московская премьера «Песен Гурре» Шенберга. С другой, притчей во языцех стала текучка кадров: многие московские оркестранты регулярно подрабатывали именно в «Русской филармонии». С третьей, еще не забылась удивительная история недолгого слияния «Филармонии» с Российским национальным оркестром, когда один и тот же состав музыкантов выступал то под одним, то под другим именем. Тем больше было причин интересоваться делами «Русской филармонии». В новом сезоне главным дирижером оркестра стал Юрий Кочнев, худрук Саратовского театра оперы и балета, неоднократный лауреат «Золотой маски». Под руководством Кочнева в Саратове ставилось немало заметных спектаклей — достаточно назвать «Возвышение и падение города Махагони» Вайля (впервые в России) и «Повесть о настоящем человеке» Прокофьева, премьера которой состоится в мае. Работу в «Русской филармонии» Кочнев начал с конкурса, обновившего

и стабилизировавшего состав оркестра. О серьезности намерений дирижера говорили планы концертов текущего сезона: столичную музыкальную жизнь дирижер обещал разнообразить редкими сочинениями Берлиоза, Мясковского, Листа, Глиэра. Не прошло и полугодя, как эти намерения претворились в реальность, а «Русская филармония» стала обретать новое лицо. По крайней мере такое впечатление произвела программа из сочинений Мясковского, которую открыл концерт для виолончели с оркестром (1944). Сочинение было удостоено Сталинской премии, что не помешало позже заклеить его автора как «формалиста»; имеющий уши да услышит, что из всех композиторов, ошельмованных в постановлении 1948 года, Мясковскому подобный ярлык подходит меньше всех. Необычайно красивый, оригинальный по форме, концерт носит вполне романтический характер, а один из лейтмотивов отсылает к виолончельному концерту Дворжака. В то же время опус устремлен и в будущее — некоторые его эпизоды отразились в позднем Концертино Прокофьева (кстати, близкого друга Мясковского); это было особенно заметно в интерпретации Александра Ивашкина — прочувство-

ванной, но резковатой и лишь в меру романтической. Программу продолжила Шестая симфония. Подобно Седьмой Шостаковича, которую даже далекий от музыки человек без запинки назовет «Ленинградской», Шестую Мясковского следует всем запомнить как «первую советскую симфонию». Хотя музыке противопоставлены буквальное толкование, в данном случае фантазировать не приходится: там и сям — опознавательные знаки, указывающие на то, что симфония является опытом осмысления революции. Так, в последней части веселые темы французских революционных песен сменяет мотив *Dies Irae*; повторенные следом мелодии времен Робеспьера звучат уже совсем не весело, а вступающий затем хор издает несколько криков ужаса, заключая их стихом «О расставании души с телом». Предыдущие разделы лишены столь явной программности; в ярком, темпераментном исполнении оркестра до глубины души трогали «героический» лейтмотив первой части, челеста во второй, типично рахманиновское соло кларнета в третьей. В целом концерт «Русской филармонии» показал, что рядом с нами куда больше хорошей музыки и достойных музыкантов, нежели может показаться.

В исполнении Александра Ивашкина виолончельный концерт Мясковского прозвучал не по-романтически колюче
Фотограф: Максим Коняев/Газета

*Мясковский
Ивашкин*

050305